

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ И ЦЕРКОВНОЙ ТРАДИЦИИ

Индекс УДК 234+811+94(47)

Код ГРНТИ 21.61.21

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-121-02-82-90

Т.И. АФАНАСЬЕВА*

Ярославский часослов как уникальный памятник древнерусской литургической письменности второй половины XIII века

В статье изучаются рукописные источники, которые демонстрируют изменения в монашеском келейном богослужении Древней Руси. На материале часословов, псалтирей и других богослужебных манускриптов XI–XIV вв. делаются наблюдения над древнерусской литургической традицией домонгольского периода и её трансформацией в конце XIII в. в Северо-Восточной Руси. В центре исследования находится известная древнерусская рукопись второй половины XIII в., хранящаяся в Ярославском музее-заповеднике, — так называемый Ярославский часослов, содержащий редкие молитвы и гимнографические сочинения. По своей структуре эта рукопись не имеет аналогов в славянской письменности, это конечная часть 12-часового часослова, который тем не менее имеет параллели в византийском богослужении XI–XII вв. Сравнение служб этой рукописи с древнерусскими и южнославянскими источниками, а также с их греческими оригиналами позволило понять, как составлялся этот сборник и какими целями руководствовался его автор — некий книжник Феодосий, работавший в Ростовской владычной библиотеке.

Ключевые слова: древнерусские часословы, славянская келейная Псалтирь, домонгольская литургическая традиция, текстология, палеография, древнеславянские переводы с греческого языка

Изучение монашеских традиций в Древней Руси неразрывно связано с интерпретацией литургических рукописей, в которых описывается келейное и храмовое богослужение в монастырях, — часословов, псалтирей

и различных сборников. К сожалению, источников XI–XII вв. дошло до наших дней крайне мало, но в рукописях XIII–XV вв. можно обнаружить списки древнейших молитв и песнопений, относящиеся к становлению древнерусского

* **Афанасьева Татьяна Игоревна** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова, руководитель проекта «Монашеское келейное правило на Руси в домонгольский период: литургические источники, их богословская и филологическая интерпретация» (21-011-44032).

E-mail: atha@mail.ru

монашества. Книжники, работавшие уже после татаро-монгольского завоевания Киева в 1242 г. в разных регионах Древней Руси, заботливо переписывали древнеславянское письменное наследие и сохранили до наших дней многие тексты, важные для нашего понимания литургических традиций домонгольского периода.

В рамках работы по проекту исследовались литургические рукописи, происходящие из Новгорода, Пскова, Северо-Восточной Руси, Галицко-Волынского княжества. Их тексты сопоставлялись с греческими орологиями и псалтирями с целью установить, когда и где могли быть переведены данные типы этих богослужебных книг. В результате удалось выстроить хронологию основных изменений славянского Часослова и Псалтири, а также описать отдельные богослужебные сборники, появившиеся как авторские компиляции разных богослужебных книг. Одна из таких компиляций — Ярославский часослов второй половины XIII в. — подробно изучена и впервые опубликована [1].

История изучения памятника

Ярославский часослов уже более двух веков привлекает внимание филологов, историков русской культуры и богословов. Он был обнаружен А.И. Мусиным-Пушкиным в 1787 г. в ризнице Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле и взят им для изучения вместе с другими рукописями, в том числе и Хронографом, содержащим Слово о полку Игореве. Однако через некоторое время часослов был возвращён обратно в библиотеку монастыря, что спасло его от гибели в московском пожаре 1812 г., когда сгорела вся коллекция Мусина-Пушкина [2]. В конце XIX в. рукопись вновь становится объектом пристального изучения. Памятник содержит целый ряд особенностей, выделяющих его из корпуса других славянских часословов, в первую очередь это необычная организация дневного богослужения на 12 часов, а также целый ряд уникальных молитв. Некоторые молитвы были созданы рус-

скими авторами, прежде всего Кириллом Туровским, часть других имеет греческие аналоги либо в различных византийских богослужебных памятниках, либо в аскетической литературе. В рукописи также есть пласт переводных молитв западного происхождения (с латинских оригиналов).

Некоторые из текстов Ярославского часослова были изданы в различных статьях, но целиком памятник до сих пор не публиковался, о чём сетовал ещё в 1955 г. И.П. Ерёмин [3, с. 365]. Между тем, именно с изучения этой рукописи начались такие глобальные темы в палеославистике, как церковнославянская поэзия и чешская литература X–XI вв., основы которых были заложены академиком А.И. Соболевским. Именно он, изучая Ярославскую рукопись, впервые заметил, что в ней есть молитва с глаголическим азбучным акростихом, которая имеет чёткий ритм и определённое число слогов [4]. Кроме того, он обратил внимание на одну из молитв, в которой упоминались святые Западной церкви, и связал её происхождение с чешскими землями, в которых в X–XI вв. было славянское богослужение [5].

Древнеславянские переводы Часослова

Работа над проектом позволила изучить Ярославский часослов в кругу византийской и славянской традиций этой богослужебной книги. В результате исследования нескольких десятков рукописей А.А. Андрееву удалось установить основные типы Часослова, которые были известны в Древней Руси: Часовник — для древнейшего этапа и Часословец — для более позднего. Важным элементом древнейшего Часослова — Часовника — являются изосиллабические гимны в составе повечерия, отражающие древнее константинопольское общественное богослужение VIII–IX вв., которое в конце IX–X вв. было перенесено в Болгарию, а оттуда на рубеже X–XI вв. — на Русь. Древнеболгарских списков Часовника не сохранилось, но в древнерусской письменной традиции он известен весь-

ма хорошо и представлен тремя списками XIII–XIV вв. [6].

Часословец имеет древнерусское происхождение и связан, видимо, с переводом «студийского» Орология, появившегося на Руси одновременно со Студийско-Алексиевским уставом в 60–70-е гг. XI в. Если о переводе Студийско-Алексиевского устава есть упоминания в Повести временных лет, Киево-Печерском патерике и Житии Феодосия Печерского, то о появлении на Руси Часословца никаких упоминаний обнаружить не удалось. Однако перевод Типикона вполне мог предполагать также и перевод Часослова, так как именно в нём подробно зафиксировано суточное богослужение монастыря, упомянутое в уставе лишь отрывочно. Наличие лексических русизмов в цикле молитв свт. Василия Великого, имеющих на каждой службе в этом памятнике, также даёт основание полагать, что он был переведён древнерусским книжником [7].

Кроме того, у славян, видимо, был известен особый тип Часослова — перевод византийского 24-псалмового Орология. А.А. Андреев установил, что именно 24-псалмовые орологии были более ранней книгой для келейной молитвы, чем Псалтирь с тропарями и молитвами (так называемая келейная Псалтирь). Взаимодействие этих богослужебных книг происходило следующим образом: существовавшая последовательность 24 псалмов, возможно египетского происхождения, проникла в Константинополь не позже IX в., где была добавлена к «агиополитскому» Орологию в качестве дополнительных келейных часов. Затем под влиянием часов Орология к псалмам были добавлены сначала тропари, а потом молитвы. Во второй половине XI в. возник другой тип книги для келейной молитвы — Орологий с междочасиями: это был облегчённый вариант, содержащий лишь четыре дневных келейных последования, а не 12, и его распространение, возможно, было связано со стремлением совершать все келейные чины совместно. Этот тип книги действительно стал более распространённым, и в те-

чение XII в. 24-псалмовые орологии сначала изменились под его воздействием, а затем исчезли окончательно.

Но настроенные на больший максимализм в келейной молитве компиляторы сохранили эту традицию путём приспособления корпуса молитв 24-псалмовых орологиев к Псалтири, которая издревле использовалась в качестве книги для келейной молитвы и содержание которой в рамках келейного правила могло исполняться в течение суток или даже какой-то их части. Этот вид келейной книги оказался более живучим, и келейные псалтири сохранились вплоть до печатных изданий, однако выбор молитв в них впоследствии был изменён: древние молитвы, заимствованные из 24-псалмовых орологиев, были вытеснены иными молитвами, восходящими к константинопольскому Евхологию и другим источникам [8].

Важное значение для келейного богослужения имеет славянская келейная Псалтирь, появившаяся сначала у южных славян в конце XII – начале XIII в., а затем перешедшая на Русь во второй половине XIII в. [9]. В отличие от греческих источников, где келейная Псалтирь происходит из 24-псалмовых орологиев, славянский Часословец и славянская Псалтирь переводились независимо друг от друга. Тем не менее эти памятники выполняли родственную функцию — употреблялись для совершения в том числе келейной молитвы ночью и поэтому остались тесно связаны друг с другом. Некоторые молитвы келейной Псалтири впоследствии попали в Часословец и были помещены в составе ночных келейных чинов — ночных часов и полунощницы. С другой стороны, при последующем развитии келейной Псалтири некоторые суточные молитвы Часословца попадали в её состав и размещались по кафизмам.

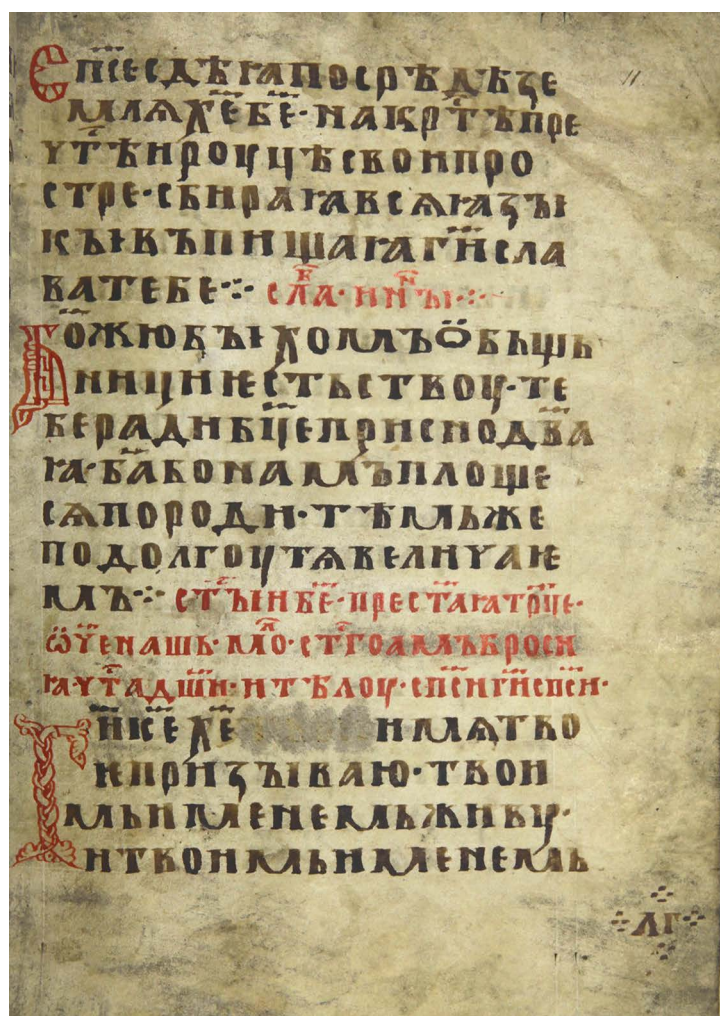
Особенности Ярославского часослова

Ярославский часослов удерживает элементы двух типов Часослова – Часовника и Часословца, а по структуре копирует

24-псалмовый часослов, списков которого, к сожалению, не сохранилось, но мы можем примерно представить, как он выглядел, исследуя Ярославскую рукопись и греческие 24-псалмовые орологии. Наличие в Ярославском часослове молитв из южнославянской келейной Псалтири позволяет утверждать, что он был составлен во второй половине XIII в., а не раньше, как предполагал М.Н. Сперанский [10]. Таким образом, Ярославский часослов является сводным памятником, личным сборником для келейной молитвы, состав которого был от начала до конца задуман древнерусским составителем.

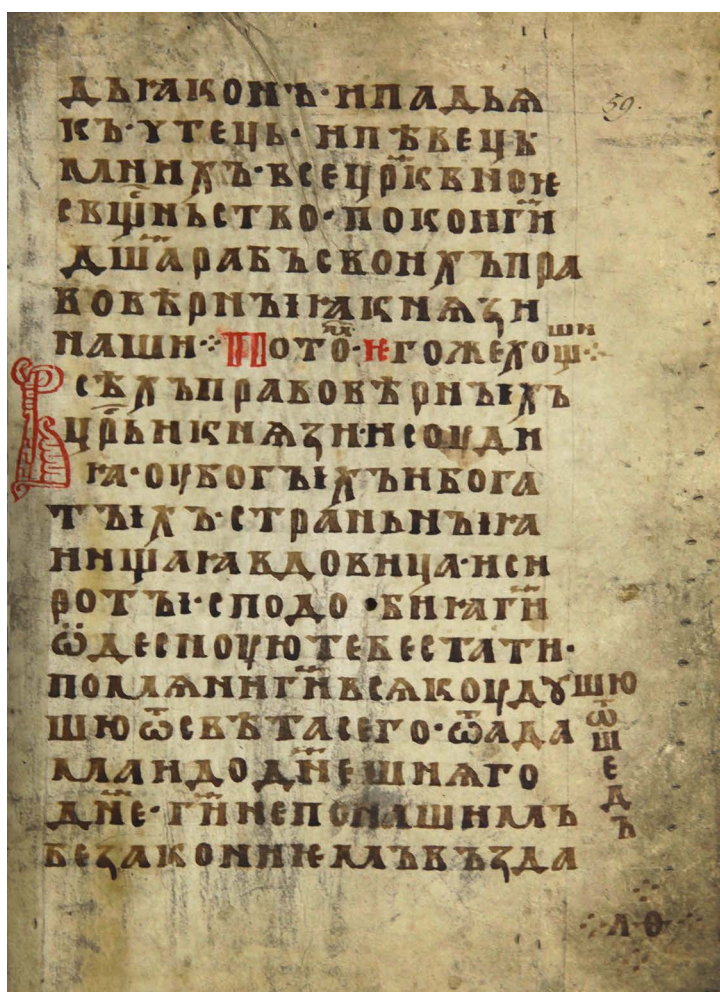
Палеографическое описание Ярославского часослова, выполненное А.Е. Соболевой, подтвердило прежнюю датировку второй половиной XIII в., однако показало, что рукопись всё-таки имеет северо-восточное происхождение, а не галицко-волинское, как считалось ранее [10, с. 124; 10, с. 36] (ил. 1).

Отдельные черты галицко-волинского говора в рукописи — прежде всего «новый ять» — следует считать влиянием протографов, которые в большом количестве были у составителя. Писец Феодосий, упомянувший себя в молитве двенадцатого часа, мог быть писцом данной рукописи [10, с. 122], а значит, как показало текстологическое исследование, и составителем всей антологии. Он, видимо, был связан с Ростовской владычной библиотекой, где впоследствии и хранилась данная рукопись, и имел перед собой значительное число древних киевских литургических памятников, которые он умело вплетал в свой личный келейный сборник. Эти источники отражали разные этапы в истории славянского Часослова и Псалтири — двух богослужебных книг, которые несколько раз переводились и ре-

Ил. 1. Ярославский часослов, л. 11

дактировались славянами на протяжении IX–XIII вв. В исследовании была сделана попытка связать эти переводы с различными эпохами в культурной жизни славянских народов: становлением славянского богослужения на глаголице в Охриде, строительством новой столицы Первого Болгарского царства в Преславе, устройством общежительного монашества на Руси в Киево-Печерском монастыре, появлением русской монашеской общины на Афоне. Переводы эти отражали изменения в византийском суточном богослужении, которое продолжало развиваться на протяжении IX–XIII вв., и прежде всего — во второй половине XI в., когда проходила усиленная кодификация монастырского богослужения и келейной молитвы в Константинополе (ил. 2).

Ил. 2. Ярославский часослов, л. 59

Особенностью богослужебной традиции на Руси было сосуществование разных традиций: переведённые на разных этапах типы Часослова не вытесняли друг друга, а продолжали переписываться. Ярославский часослов, таким образом, не является переводом какого-то особого греческого часослова, так как в целом не похож на сохранившиеся памятники византийского 24-псалмового Орология. Он, несомненно, представляет собой славянскую компиляцию нескольких литургических книг. В этой тенденции — сочетать разные по происхождению богослужебные книги, сохраняя особенности древних памятников, — компилятор Феодосий не был одинок: такой же принцип заложен в формирование древнерусских богослужебных сборников XIV в., подробно описанных свящ. И. Шугаевым [11]. Благодаря

этому подходу были сохранены древнейшие литургические тексты: так называемые «западные» молитвы, изосиллабические гимны и древнеславянский азбучный гимн на повечерии. Это позволяет нам предположительно реконструировать состав славянских богослужебных книг, не дошедших до наших дней: утраченные части Синайской глаголической Псалтири с воследованием XI в., 24-псалмового часослова и, возможно, домонгольской Псалтири с различными молитвами.

Один из важнейших вопросов проведённого исследования — связь Ярославского часослова с творчеством Кирилла Туровского. Ярославский часослов имеет слой молитв второй половины XIII в., текстов, напрямую заимствованных из келейной Псалтири, а значит, Кирилл Туровский, умерший после 1182 г., не мог быть его составителем, и предположение Сперанского о причастности свт. Кирилла к составлению данного сборника не подтвердилось. Тем не менее

рукопись содержала полный цикл седмичных молитв туровского святителя, а также связанные с ними рубрики, регламентирующие порядок его исполнения.

Текстологическое исследование сохранившихся часовых и вечерних молитв показало, что они редактировались в ранний период своего бытования. Первая редакция, видимо, была осуществлена в Киеве, и её целью было внедрение цикла молитв в монашескую келейную практику. Косвенно на это намекает широкое распространение этой редакции по всей территории Древней Руси, которое могло идти только из столицы митрополии.

Вторая редакция, также весьма ранняя по происхождению, подвергла тексты молитв значительным сокращениям и переделкам; она, по-видимому, делалась не в Киеве и в то время, когда у Кирилла Туровско-

го ещё не сложилось общерусского почитания и эпитет «русский Златоуст» к нему не применялся. Местом создания второй редакции, по-видимому, была Северо-Восточная Русь, где поначалу к Кириллу Туровскому было негативное отношение за его критику Андрея Боголюбского и ростовского епископа Федорца [3, с. 342–343].

И наконец, третья редакция — псалтирная, была сделана ещё позже, когда на Руси начинают распространяться келейные псалтири, пришедшие от южных славян во второй половине XIII в. Тогда некоторые молитвы цикла помещаются после кафизм Псалтири и претерпевают редактуру. Самая ранняя псалтирь, содержащая молитвы Кирилла Туровского, — псалтирь княгини Марины около 1296 г. — практически не меняет текста молитв, тогда как Симоновская и Фроловская псалтири начала XIV в. содержат существенные исправления, нацеленные на то, чтобы снять упоминание о памяти конкретного дня и часа [12, с. 168]. Чаще всего чтения псалтирной редакции ближе к первой редакции, но в них также читаются варианты из второй.

Составитель Ярославского часослова отдал предпочтение первой редакции, но отдельные чтения второй редакции всё-таки использовал. Кроме того, он распределил текст устава Кирилла, имевшийся у него в распоряжении, по всему сборнику. Таким образом, составитель поместил цикл молитв в свой сборник из протографа первой редакции, но переформатировал его изначальную структуру на блоки семи утренних, семи часовых и семи вечерних молитв. Эта перегруппировка свидетельствует о литургическом использовании молитв Кирилла Туровского в келейном богослужении Северо-Восточной Руси в XIII в.

Ярославский часослов и книжная культура второй половины XIII в.

Ярославский часослов хорошо вписывается в культурные процессы своего времени. В это время в книжной культуре Руси происходят события, связанные с переносом митрополии из Киева во Владимир, начав-

шимся при последнем киевском митрополите Кирилле II (1247–1281 гг.), который подолгу жил в Северо-Восточной Руси, и завершившимся впоследствии официальным перемещением митрополии в 1299 г. при митрополите Максиме (1283–1305 гг.). Владимир, как известно, уже с XII в. претендовал на особый статус, и при князе Андрее Боголюбском в 1169 г. предпринимались попытки устройства там второй восточнославянской митрополии, но при сильном Киеве это было невозможно [13, с. 187].

В послемонгольское время, ввиду ослабления влияния Киева, разорённого татарами, такая попытка оказалась успешной. С одной стороны, миграция (перенос) книжного центра, по мнению Н.И. Толстого, приводит к пересмотру книжного репертуара и языковых норм, к их обновлению [14, с. 86–88]. Действительно, именно в результате этого процесса на Русь со славянского юга попадают новые канонические и богослужебные книги. Прежде всего, это Номоканон Саввы Сербского, который был составлен на Афоне, но в Киев его привезли по заказу митрополита Кирилла II из Болгарии. В 1274 г. на церковном соборе во Владимире он был утверждён к употреблению в Северо-Восточной Руси [15, с. 185–199]. Адаптируется пришедший на Русь Евхологий Саввы Сербского, чины требника и службы суточного круга из него активно переписываются в древнерусских служебниках XIII–XIV вв. [16]. Получает распространение келейная Псалтирь, зависящая от устава Саввы Сербского: многие древнерусские псалтири XIII–XIV вв. содержат тропари и молитвы после каждой кафизмы, и большинство из них помещены в том же переводе, что и в южнославянских псалтирях [8].

С другой стороны, рецепция южнославянской литургической письменности не вытесняет домонгольское литургическое наследие целиком. На примере Ярославского часослова и богослужебных сборников XIV в. видно, что многие уже вышедшие из употребления в Византии тексты суточного богослужения продолжают переписы-

ваться на Руси наряду с новыми последованиями. Это касается изосиллабических гимнов на повечерии, различных молитв, переведённых в самый ранний период славянской книжности, а также некоторых студийских особенностей, восходящих ко второй половине XI в.

Помимо сохранения домонгольских переводных текстов и внедрения более поздних южнославянских переводов, в Северо-Восточной Руси в это время также активно распространяется и древнерусское литургическое творчество. Одно из главных мест здесь занимают произведения Кирилла Туровского. Его Житием пополняется славяно-русский Пролог. Кирилл Туровский, когда-то осудивший епископа Федорца за сепаратизм, в конце XIII в. становится почитаемым святым, боровшимся за единство восточнославянской митрополии.

В Житии туровский святитель получает эпитет «другой Златоуст», что уже свидетельствует о высокой оценке его произведений в Северо-Восточной Руси в конце XIII в. [17, с. 233–234]. Произведения Кирилла Туровского внедряются в канонические и богослужебные книги: молитвы появляются в келейной Псалтири и Ярославском часослове, а «Сказание о черноризском чине» записывается в Новгородскую кормчую. Цитаты из произведений Кирилла Туровского представлены в древнерусском каноническом сборнике «Мерило Праведное» конца XIII – начала XIV в. [18, с. 47–50].

Полное издание Ярославского часослова и его историко-литургическое и филологическое исследование позволило показать место памятника в славянской книжной культуре и оценить его значение для древнерусской письменности конца XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ярославский часослов второй половины XIII в. Исследование и издание текста / Изд. подгот. А.А. Андреев, Т.И. Афанасьева, А.Е. Соболева; Отв. ред. Т.И. Афанасьева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2024.
2. Моисеева Г.Н. Судьба пергаменного Часослова, «уничтоженного» в 1788 г. вместе со Спасо-Ярославским хронографом // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 46. С. 315–319.
3. Ерёмин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 342–367.
4. Соболевский А.И. Церковнославянские стихотворения IX–X вв. и их значение для изучения церковнославянского языка // Труды XI Археологического съезда в Киеве 1899 г. Т. 2. Отдельный оттиск. М., 1901. С. 1–12.
5. Соболевский А.И. Молитва на дьявола. Церковнославянский текст западного происхождения. С предисловием проф. А.И. Соболевского. СПб., 1899.
6. Андреев А.А., Афанасьева Т.И. К истории древнеболгарского Часослова // Scripta & e-Scripta. 2023. Т. 23. С. 105–134.
7. Андреев А.А., Афанасьева Т.И. Цикл молитв Василия Великого в составе древнерусских часословов XIII–XIV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2024. № 2. С. 143–156.
8. Andreev A. The Early East Slavic Horologion: A Review and Re-Interpretation of the Sources // Λογική λατρεία. Proceedings of the Eighth International Congress of the Society of Oriental Liturgy, Thessaloniki, Greece, 13–18 June 2022. / Ed. by Ch. Nassis, A. Mikhail, D. Galadza. Münster: Aschendorff Verlag, 2025. Pp. 59–117.
9. Афанасьева Т.И. Устав о пении Псалтири и его влияние на славянскую традицию этой богослужебной книги XIII–XIV вв. // Slověne. 2023. Т. 12. № 1. С. 7–41.
10. Сперанский М.Н. Ярославский сборник молитв XIII в. Приложение к статье: Далмат (Юдин), иером. Доклад академика М.Н. Сперанского «Ярославский сборник молитв XIII в.» // Славяноведение. 2022. № 2. С. 119–139.

11. Шугаев И., свящ. Древнерусские богослужебные сборники XIV в. Историко-литургический анализ: Дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 1999.
12. Далмат (Юдин), иером. История списков цикла седмичных молитв свт. Кирилла Туровского // Таинство слова и образа. Сборник материалов научно-богословской конференции кафедры филологии Московской духовной академии (18–19 ноября 2020 г.). Сергиев Посад, 2021. С. 171–175.
13. Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. М., 1989.
14. Толстой Н.И. Избранные труды. Т. 2: Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998.
15. Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.
16. Афанасьева Т.И. Евхологий Саввы Сербского и его рецепция в Древней Руси XIII–XIV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 144–156.
17. Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009.
18. Вершинин К.В. Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. М., 2019.

The Yaroslavl Book of Hours as a Unique Monument of Ancient Russian Liturgical Writing of the Second Half of the 13th Century

Tatyana Igorevna Afanasyeva — Doctor of Philological Sciences, leading researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, head of the project “Monastic Cell Rule in Rus’ in the Pre-Mongol Period: Liturgical Sources, Their Theological and Philological Interpretation” (21-011-44032).
E-mail: atha@mail.ru

The article studies manuscripts that demonstrate changes in monastic cell service in Ancient Rus. Sources, i.e. books of hours, psalters and other liturgical manuscripts of the 11th–14th centuries, allow to review ancient Russian liturgical tradition of the pre-Mongol period and its transformation at the end of the 13th century in North-Eastern Rus'. The research focuses on a well-known ancient Russian manuscript from the second half of the 13th century, kept in the Yaroslavl Museum-Reserve – the so-called Yaroslavl Book of Hours, which contains rare prayers and hymnographic works. Structurally, this manuscript has no analogues in Slavic writing; it is the final part of a 12-hour book of hours, which nevertheless has parallels in the Byzantine liturgy of the 11th–12th centuries. The comparison of services in this manuscript with Old Russian and South Slavic sources, as well as with their Greek originals, allows to understand how this collection was compiled and what goals guided its author – a certain scribe Theodosius, who worked in the Rostov Bishop's Library.

Keywords: Old Russian Books of Hours, Slavic Cell Psalter, pre-Mongol liturgical tradition, textual criticism, paleography, Old Slavic translations from Greek

REFERENCES

1. Yaroslavskii chasoslov vtoroi poloviny XIII v. Issledovanie i izdanie teksta / Izd. podgot. A.A. Andreev, T.I. Afanas'eva, A.E. Soboleva; Otv. red. T.I. Afanas'eva. M.; SPb.: Al'yans-Arkheo, 2024 (in Russian).
2. Moiseeva G.N. Sud'ba pergamnennogo Chasoslova, «unichtozhennogo» v 1788 g. vmeste so Spaso-Yaroslavskim khronografom // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 1993. T. 46. S. 315–319 (in Russian).

3. Eryomin I.P. Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. M.; L., 1956. T. 12. S. 342–367 (in Russian).
4. Sobolevskii A.I. Tserkovnoslavyanskii stikhotvoreniya IX–X vv. i ikh znachenie dlya izucheniya tserkovnoslavyanskogo yazyka // Trudy XI Arkheologicheskogo s"ezda v Kieve 1899 g. T. 2. Ot-del'nyi ottisk. M., 1901. S. 1–12 (in Russian).
5. Sobolevskii A.I. Molitva na d'yavola. Tserkovnoslavyanskii tekst zapadnogo proiskhozhdeniya. S predisloviem prof. A.I. Sobolevskogo. SPb., 1899 (in Russian).
6. Andreev A.A., Afanas'eva T.I. K istorii drevnebolgarskogo Chasoslova // Scripta & e-Scripta. 2023. T. 23. S. 105–134 (in Russian).
7. Andreev A.A., Afanas'eva T.I. Tsikl molitv Vasiliya Velikogo v sostave drevnerusskikh chasoslovov XIII–XIV vv. // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2024. № 2. S. 143–156 (in Russian).
8. Andreev A. The Early East Slavic Horologion: A Review and Re-Interpretation of the Sources // Λογική λατρεία. Proceedings of the Eighth International Congress of the Society of Oriental Liturgy, Thessaloniki, Greece, 13–18 June 2022. / Ed. by Ch. Nassis, A. Mikhail, D. Galadza. Münster: Aschendorff Verlag, 2025. Pp. 59–117.
9. Afanas'eva T.I. Ustav o penii Psaltiri i ego vliyanie na slavyanskuyu traditsiyu etoi bogoslužhebnoi knigi XIII–XIV vv. // Slověne. 2023. T. 12. № 1. S. 7–41 (in Russian).
10. Speranskii M.N. Yaroslavskii sbornik molitv XIII v. Prilozhenie k stat'e: Dalmat (Yudin), ierom. Doklad akademika M.N. Speranskogo «Yaroslavskii sbornik molitv XIII v.» // Slavyanovedenie. 2022. № 2. S. 119–139 (in Russian).
11. Shugaev I., svyashch. Drevnerusskie bogoslužhebnye sborniki XIV v. Istoriko-liturgicheskii analiz: Dis. ... kand. bogosloviya. Sergiev Posad, 1999 (in Russian).
12. Dalmat (Yudin), ierom. Istoriya spiskov tsikla sedmichnykh molitv svt. Kirilla Turovskogo // Tainstvo slova i obraza. Sbornik materialov nauchno-bogoslovskoi konferentsii kafedry filologii Moskovskoi dukhovnoi akademii (18–19 noyabrya 2020 g.). Sergiev Posad, 2021. S. 171–175 (in Russian).
13. Shchapov Ya.N. Gosudarstvo i tserkov' Drevnei Rusi XI–XIII vv. M., 1989 (in Russian).
14. Tolstoi N.I. Izbrannye trudy. T. 2: Slavyanskaya literaturno-yazykovaya situatsiya. M., 1998 (in Russian).
15. Shchapov Ya.N. Vizantiiskoe i yuzhnoslavyanskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv. M., 1978 (in Russian).
16. Afanas'eva T.I. Evkhologii Savvy Serbskogo i ego retseptsiya v Drevnei Rusi XIII–XIV vv. // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2019. № 4 (78). S. 144–156 (in Russian).
17. Loseva O.V. Zhitiya russkikh svyatykh v sostave drevnerusskikh Prologov XII – pervoi treti XV vekov. M., 2009 (in Russian).
18. Vershinin K.V. Merilo Pravednoe v istorii drevnerusskoi knizhnosti i prava. M., 2019 (in Russian).